

Фан Юань пытался вспомнить, но так и не смог понять, где же раньше видел Цзян Хэна.

Его память тоже хранила лишь обрывки. Он чувствовал необъяснимую теплоту, но конкретных воспоминаний не находил.

— Может, через пару дней я тебя вспомню, — оптимистично заявлял он, словно ждал не восстановления памяти, а новой встречи в параллельной реальности.

Так в его жизни неожиданно появилось ожидание.

Но пока Фан Юань лишь покачал головой.

С того дня его будни наполнились шумом и суетой.

Каждое утро за завтраком Цзян Хэн взахлёб рассказывал:

— Сегодня спал как младенец! Видишь, синяки под глазами почти исчезли?

— А ещё мне приснилось, будто мы с тобой... — и тут же сыпал обрывками снов, будто рассыпал по столу драгоценные осколки их общего прошлого.

Он совсем не походил на человека, пережившего апокалипсис и уж точно не был сломлен. Скорее, напоминал доблестного воина, вернувшегося из долгого похода — того, кто с улыбкой рассказывает о былых подвигах, будто они были всего лишь очередными приключениями.

Опасные моменты, победы над ордами зомби, походы с товарищами, дни без еды и месяцы без мяса — всё это звучало из его уст как захватывающая сага.

Поначалу Фан Юань лишь рассеянно поддакивал, отделяваясь невнятным «угу».

Но по мере восстановления памяти в нём что-то менялось — как будто сквозь весёлый фасад начал проступать иной облик.

Внешне Цзян Хэн оставался тем же болтуном: шутил, дразнил её и строил глупые рожи, закатывая глаза.

Но его улыбка стала... какой-то механической.

Сам Фан Юань заметил это не сразу, больше отвлекаясь и раздражаясь всем тем шумом, что производил Цзян Хэн.

Пока однажды тот не рассказал, как некогда попал в засаду — лишился припасов, едва избежал укуса и неделями прятался в убежище, балансируя на грани жизни и смерти.

Даже это он поведал с привычной лёгкостью, не переставая улыбаться.

И тут Фан Юань впервые поднял глаза от тарелки и внимательно посмотрел на него.

Что-то было не так. Это было так странно...

До этого момента у Фан Юаня наивно полагал, что в жизни людей с пробудившимися сверхспособностями даже после апокалипсиса не бывало трудностей. Ему казалось, что такие, как Цзян Хэн — сильные, жизнерадостные, неуязвимые — даже после конца света обретали верных товарищей, не знали недостатка в еде и воде. Что каждое их утро начинается с побед и надежд на будущее.

А он... он был всего лишь Фан Юанем. Неприметным обывателем, чьё имя даже писали с ошибками.

Он боялся и постоянно боролся за выживание, голодал.

Он искренне полагал, что Цзян Хэн так восторженно вспоминает прошлое лишь потому, что даже среди ужасов находил что-то светлое.

Вчерашний рассказ о конфликте с другими он тоже воспринял как незначительную стычку.

Но сегодня узнал: из-за этого «пустяка» Цзян Хэн едва не погиб.

Его потрясло, что даже такой могущественный человек мог оказаться на краю гибели.

Что простая царапина могла стать смертным приговором — ведь ни одна новая группа не приняла бы раненого, а если бы и приняла, то первые двое суток не дала бы ни крошки еды.

— Но если бы ты погиб, команда лишилась бы пространственника, — наконец не выдержал Фан Юань. — Разве это им было выгодно? Разве те, кто устроил засаду... не боялись разоблачения?

— Беглецу нечего терять, — Цзян Хэн лишь приподнял бровь, будто говорил о чём-то очевидном. — Даже если бы его поймали, что с того? Нельзя же ради мщения терять ещё одного человека со сверхспособностями. Два ключевых бойца сразу — они не стали бы мстить ради торжества «справедливость». Он это знал — потому и действовал без страха.

Фан Юань сжал кулаки. Неужели из-за пустяковой обиды — из-за того, что Цзян Хэн затмил

его в бою, заслужил доверие команды и уважение обычных людей — можно было пойти на предательство?

Выходит, главная опасность для людей со сверхспособностями — не зомби, а те, кому они доверяли спину?

— Прости... — прошептал он, опуская голову.

— За что? — Цзян Хэн подпер подбородок ладонью, изучая его.

Щёки Фан Юаня, обычно бледные, залились румянцем.

— Я... я всегда думал, что у таких как ты, у людей со сверхспособностями даже после апокалипсиса всё хорошо. Что у вас есть еда, безопасность... что с вами не случается ничего плохого.

Он не сказал главного: что завидовал им. Что забыл — за великой силой скрывается и великая жертва.

Он забыл главное: все они были просто людьми, выживающими в аду. Никто не был святее других — страдали просто по-разному.

В первые дни, узнав о способностях Цзян Хэна, Фан Юань даже испытывал к нему неприязнь.

Ему казалось, что любые слёзы или жалобы — не более чем театральная игра.

— Не зацкливайся, — Цзян Хэн протянул ему конфету с улыбкой. — Всё позади.

Но эта улыбка, по мере возвращения воспоминаний, превратилась в маску. Теперь она не сходила с его лица.

Раньше всё было иначе.

В первые дни глаза Цзян Хэна искрились озорством, он забавно хмурился, легко смеялся — каждую эмоцию можно было разглядеть как на ладони.

Фан Юань смотрел на него и вдруг осознал, насколько сам был слеп. Семь лет в аду — а мыслил такими примитивными шаблонами.

— Ты... — он так давно не говорил по душам, что слова казались неестественными, какими-то неправильными. — Ты можешь не улыбаться.

Если больно — хмурься. Если страшно — дрожи. Если грустно — плачь. Разве не так ведут себя нормальные люди?

— О? — улыбка Цзян Хэна не дрогнула, но он наклонился вперёд. — Это... забота о мне?

Фан Юань замолчал.

Забота? Разве это можно так назвать?

Раньше — до перерождения, до катастрофы — он бы никогда не опустился до таких сантиментов.

Он поступал бы так же, как любой обычный человек без способностей — как те, кто в глубине души жаждал, завидовал и ненавидел тех, у кого они пробудились, но при этом едва сводил концы с концами.

Видя, как такой человек, как Цзян Хэн, проявляет слабость, его раньше охватывала слепая ярость. Казалось, это всего лишь позёрство — притворные страдания того, у кого есть всё. Лицемерие. Жадность. Надменность. Ему хотелось сорвать с него эту маску.

Ты уже обладаешь всем — какое право ты имеешь жаловаться?!

Фан Юань закрыл глаза, заточая этого уродливое чувство обратно в глубины души. Теперь он так не думал — но всё ещё не мог встретиться с Цзян Хэном взглядом.

— Я наелся, — поднялся, чтобы убрать посуду.

— Не уходи.

Внезапно его кисть оказалась в тёплой хватке.

Он резко поднял голову — и замер, увидев глаза Цзян Хэна.

Слегка покрасневшие, влажные, полные стыда и раскаяния... но при этом невероятно красивые.

В них отражалось то же, что таил в себе Фан Юань. Только один яростно хоронил эти чувства, а другой — выставлял напоказ без тени смущения.

Так же открыто, как в день их первой встречи.

Они одинаковые.

От этой мысли по телу разлилось облегчение, смывая прежние терзания.

— Я... напомнил тебе что-то плохое? — Цзян Хэн наконец перестал улыбаться, его брови сдвинулись. — Если да, прости. Я не хотел.

— Нет, — Фан Юань неожиданно рассмеялся, будто сбросил груз. — С чего бы мне злиться на тебя?

— И правда не расстроился?

— Правда.

Поймав на себе его взгляд, он всё же вернулся за стол, сжимая в руке стакан.

— Правда, и меня в те времена подставляли, но я не из тех, кто ноет при каждом воспоминании. В тех условиях всем было несладко. Ты прав — всё это в прошлом.

— Кто? Кто тебя подставил? — Цзян Хэн вспыхнул праведным гневом, будто готов был кулаком по столу ударить.

— Пустяки, честно говоря, уже и не помню толком.

Фан Юань и вправду не помнил. Не только предательства — те годы выживания в аду оставили в памяти лишь смутные обрывки.

Отчасти — потому что сознательно не хотел помнить. Отчасти — потому что и вспоминать-то было нечего.

Каждый день сводился к одному: выжить. Выжить любой ценой.

Хотя...

Не совсем.

Впервые за долгое время он позволил памяти ожить — и с удивлением осознал: всё было не так уж безнадежно, как казалось.

Были и случайные радости: бездомный пёс, прибившийся к нему однажды. Три дня они

голодали, пока пёс не принёс добычу.

А однажды — о чудо! — пёс раздобыл бутылку "Колы".

Настоящей "Колы", с газом! В убежище за такое сокровище дали бы кучу лепёшек — неслыханная роскошь.

Цзян Хэн вдруг ахнул, прервав его рассказ:

— Стой-стой! Это была "Колы"? С наполовину сорванной этикеткой, оставшуюся часть кто-то сложил треугольником?

— Откуда ты...? — остолбенел Фан Юань.

— Потому что это Я её потерял! Через три дня увидел на обменнике — хотели три бутылки воды, пять лепёшек и два пайка!

— Ох... — Фан Юань рассмеялся, представив ту сцену. — Прости. В итоге я выторговал только воду и лепёшки.

Цзян Хэн замер на секунду, потом тоже рассмеялся:

— Эх, знал бы я тебя тогда — обошлись бы без спекулянтов!

Теперь у них был целый холодильник "Колы". Те времена давно прошли.

Они чокнулись бокалами со льдом, где пузырьки играли на свету.

Фан Юань не жалел о прошлом. Тот грязный, оборванный парень из апокалипсиса...

Никогда не смог бы вот так легко смеяться с Цзян Хэном, как сейчас.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13880/1223956>